

УДК 821.161.1-3.09:111.32

Остапчук В.В.

кандидат филологических наук, доцент
кафедра славянской филологии
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки,
Украина, 43025, г. Луцк, ул. Винниченка, 30-а
kwitka25@ukr.net

ЧЕЛОВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ОКАЯННЫХ ДНЕЙ» И. БУНИНА

В статье ставится цель, чтобы через поэтику, понимаемую в самом широком смысле слова, раскрыть не только политический, но и философский смысл «Окаянных дней» И. Бунина. Метаморфоза человека рассматривается через призму революционного времени, через описание страдания людей и проявление жестокости, анализируются те моменты дневникового текста И. Бунина, в которых раскрывается процесс расчеловечения человека, пребывающего в состоянии острой ненависти. На основании словарного определения лексемы окаянный сделан вывод об ассоциативных переключках этого слова с библейским именем Каин; исследуется роль цитат из Библии в структуре «Окаянных дней», что обеспечивает глубинное понимание содержания бунинского текста. Анализ производится с использованием описательного, герменевтического, сравнительно-типологического методов. В результатах исследования подчеркивается борьба И. Бунина за Человека в человеке, утверждается, что одним из путей такой борьбы в «Окаянных днях» является акцентирование на забытых извечных библейских истинах. Выход из сложившейся драматичной ситуации русский писатель видит в религии, в возвращении к истинным ценностям

Ключевые слова: человек, окаянный, проклятый, заглавие, революция, Библия, ассоциации, повтор, контраст.

Я как-то физически чувствую людей
Л. Толстой

«Светейшее из званий», звание «человек»,
опозорено как никогда.
Опозорен и русский человек...
И. Бунин

По мысли М. Шелера, которую он высказал в книге «О месте человека в Космосе» («Der Mensch im Weltalter des Ausgleichs», 1928), к концу XIX в. «человек стал полностью, без остатка проблематичным для самого себя» [См. дет.: 1]. Неслучайно в литературах XX в. слово *Человек* выносятся в заглавие многих произведений, в частности – М. Горького «В людях» (1915–1916), Л. Андреева «Жизнь человека» (1906), Г. Фаллады «Что же дальше, маленький человек?» («Kleiner Mann, was nun?», 1932), М. Домбровской «Przygody człowieka myślącego» (1970), поэмы Э. Межелайтиса «Человек», и др. *Человек*

по-прежнему выступает главным предметом литературы, но выступает он особенно загадочным, оставаясь таким и до наших дней. В этом отношении интересно письмо В. Астафьева к В. Курбатову, в котором есть слова: «Что стоила нам эта победа? Что сделала она с людьми?» [2]. В перифразе эти слова звучат таким образом: «Как отразилась война на человеке? Как отразился человек на войне?»¹ Сказанное можно отнести к И. Бунину, а поэтому целесообразно с этих позиций рассмотреть «Окаянные дни» (1918–1920).

Охарактеризованный ракурс постановки проблем о человеке в литературе XX в. даёт возможность через поэтику проследить не только документальный пласт «Окаянных дней», но и раскрыть аспект философского осмысления природы человека, рассматриваемого писателем сквозь призму революционного времени, в чём и состоит **цель статьи**.

Известны многочисленные кардинально противоположные отзывы об «Окаянных днях» И. Бунина – от отрицательных до положительных. В частности, не восприняли книгу А. Нинов и О. Михайлов: оба критика резко высказались о ней с разной силой экспрессивности в своих выражениях. А. Нинов увидел в «Окаянных днях» прежде всего раздражение И. Бунина. Он писал, что в книге «нет... ни России, ни ее народа в дни революции. Есть лишь одержимый ненавистью человек» [См. дет.: 3]. Еще более экспрессивен был О. Михайлов, сравнивая в своих характеристиках И. Бунина с *юродивым*, который, «шевелия вершами, под звон *дурацкого* колокольчика иступленно кричит хулы... проклиная революцию» [См. дет.: 3].

Против такой однозначной оценки по отношению к книге «Окаянные дни» возражает С. Федякин: «К ней, – пишет критик, – давно приклеились эпитеты: гневная, злая, – как будто нет в ней отчаяния, горя, ужаса от чувства неотвратимости худших времен» [4, с. 7].

Высоко оценил книгу И. Бунина находящийся в эмиграции М. Алданов, считая, что «в „Окаянных днях“ есть страницы лучшие из всего написанного писателем». На эти его мысли обратила внимание В. Литвинова [См. дет.: 3]. Анализируя подборку материалов к 120-летию со дня рождения «Неизвестный Бунин» в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Слово», исследовательница акцентирует внимание на «пророческих мыслях незабвенного Бунина, не дрогнувшего произнести высокую правду об Октябрьской революции и ее вождях» [См. дет.: 3]. Сама В. Литвинова считает И. Бунина в некоторой мере пророком: «Жизненный опыт, – пишет она, – убеждает нас, что человек может строить прогнозы, делать серьезные предсказания, если он умеет глубоко проникнуть в предшествующую историю страны, найти в ней вектор развития, тогда он может судить о будущем. Пожалуй, таким мирозерцанием обладал И. А. Бунин» [3].

В отличие от М. Алданова, который, по-видимому, имел в виду и изобразительные достоинства книги И. Бунина, многие авторы, например, М. Дунаев, акцентировали внимание на политическом аспекте «Окаянных дней»: «Бунин

был тогда одним из немногих (не единственным ли?) трезво-мудрых художников, кто резко отверг и февральский, и октябрьский перевороты...» [5, 785].

Такое разное отношение к произведению И. Бунина свидетельствует о том, что на сегодняшний день «Окаянные дни» не рассмотрены всесторонне и объективно, прежде всего, не достаточно освящена проблема человека, поднятая писателем, и не понята гуманная направленность книги.

Да, в состоянии обостренного чувства раздражения И. Бунин использует много экспрессивных выражений и слов, которые, вероятно, и послужили поводом до неприятия его *гневной, злой* книги: *скоты, сукины дети* [6, 74], *проклятые обезьяны* [6, 96], *потерявшие всякий образ человеческий оружие дикари* [6, 138], *гадюка* [6, 75], *гадина* [6, 124], *собачье лицо поколения* [6, 125], *в человеке просыпается обезьяна* [6, 69], *стерва* [6, 134], *рычал* [6, 71] и др. Однако это не дает основания говорить об *одержимом ненавистью* авторе «Окаянных дней», потому что его дневниковые записи содержат прежде всего тревогу о человеке. Исходя из этой мысли, необходимо обратить внимание на многозначность заголовка, в котором нельзя видеть только *проклятие* самой *революции*. Есть все основания предполагать, что речь пойдет о погибшем, духовно обедненном, *проклятом* человеке. Правомерность такого ожидания от заголовка подтверждается толковым словарем В. Даля, где раскрывается значение слова *окаянный*, как *проклятый, нечестивый, изверженный, отчужденный, преданный общему поруганью, недостойный, жалкий, погибший духовно, несчастный, грешник* // *Сщ. м. злой дух, нечистый, дiаволь, сатана* [7, 661]. Возможно, *окаянный* – это для И. Бунина ключевое понятие при создании образа человека той поры. К такому предположению приводит М. Фасмер, выводя этимологию слова *окаянный* от *каять(ся)*, и указывая на то, что слово «связано чередованием гласных с *цена*, родственно др.-инд. *cauate* „мстит, наказывает“, авест. *kaēnā* „наказание, месть“» [8, 128, 216].

Невольно на звуковом уровне возникают ассоциации слова *окаянный* с библейским именем *Каин* (ср. *kaēnā*), которые подтверждаются словарем древнерусского языка И. Срезневского: «*Оканьныи – жалкий, несчастный, грешный, проклятый*. Слыши, Арію, безглавыи звери, нечистыи душе, *оканьныи* человеце, новыи *Каине*, вторыи Іудо [Кир. Тур. 78]» [9, 639].

Анализируя словарное определение лексемы *окаянный*, необходимо отметить, что М. Фасмер больше других акцентировал внимание на её значении – *проклятый*. Не потому ли за текстом «Окаянных дней» звучит вопрос: «Каин, где твой брат, Авель?» Очевидно, что сам заголовок носит оценочный характер и концентрирует внимание на братоубийственном характере революции и гражданской войны.

Возникшие ассоциации – не случайны, поскольку Каин стал первым *окайным* человеком – *проклятым изверженным, несчастным грешником*. Подтверждение этой мысли содержится в «Толковой Библии»: «...и ныне *прокляты* от земли”... Здесь мы имеем первый пример божественного *проклятия*, на-

правленного непосредственно на человека. При осуждении, напр., Адама, *проклинались* только дьявол и земля (Б. III, 17), последняя ради человека (Быт. IV, 17); теперь же сама земля, обогренившая кровью невинного страдальца, превращается в орудие наказания для убийцы, лишая его своих естественных даров» [10, 34]. Проклятием для Каина было его *изгнание от лица земли*. Некоторые богословы видят связь между этим наказанием и знаменем, положенным Богом на Каина: «...ты будешь *изгнанником* и скитальцем на земле» [Бытие, гл. 4, 12]. В Толковой Библии это место поясняется следующим образом: «Вместо этих слов русского перевода славянский текст имеет: „стеняй и трясыйся будиши на земли“... „Сей последний перевод, – по справедливому замечанию митр. Филарета, – сделан, кажется, для догадочного изъяснения знамения, положенного на Каина“» [10, 34].

Все это наводит на мысль, что заголовок «Окаянные дни» являлся не только характеристикой той действительности, которая описывается, но и служил своеобразным предостережением о неизбежности наказания. И. Бунин, решительно восставая против *каинова* греха – братоубийства, создаёт портрет нового Каина, который сливается с образом Иуды: *Каин России, с радостно-безумным остервенением бросивший за тридцать сребреников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью* [10, 137]. Писатель обнажил кричащее противоречие между глубоко человеческими лозунгами и разгулом жестокости: *...сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство* [6, 68].

Неоднократно русский писатель на страницах своего дневника подчёркивает помраченность ума человека: *Помешательство* [6, 97], *повальное сумасшествие* [6, 99], *идиотическая тупость* [6, 99], *сумасшедший* [6, 103], *как в сумасшедшем доме* [6, 118] и др. Мотив *острого умопомешательства* является одним из основных в дневнике И. Бунина. В результате само это понятие обладает насыщенным интенциональным полем, куда втягиваются прямые и посредственные контекстуальные синонимы. Статистический метод подтверждает, что состояние умопомрачения передано частотным употреблением этих слов каждый раз в новом сочетании. И. Бунина поражает необъяснимая воодушевленность соотечественников после кровавых событий революции 17-го года: *Москва, 1918 год. 1 января (старого стиля). Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное... А кругом нечто поразительное, почти все почему-то необыкновенно веселы, кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит...* [6, 43].

И. Бунин вступает в непримиримую дискуссию с А. Блоком и М. Горьким, называя их *словоблудами, глупыми, безумцами*:

«Блок слышит Россию и революцию, как ветер...» О, словоблуды! Реки крови, море слёз, а им всё нипочём [6, 71].

Блок открыто присоединился к большевикам... А Блок человек глупый [6, 46].

«Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой...». Как любил рычать это Горький! А и сон-то весь только в том, чтобы проломить голову фабриканту, вывернуть его карманы и стать стервой ещё худшей, чем этот фабрикант [6, 71].

Борясь за человека, И. Бунин протестует против его страшной метаморфозы: *... Одна из самых отличительных черт революции – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна* [6, 69].

По И. Бунину, революция обнажила в человеке самое низменное, заставила так **остро** почувствовать, так **остро** и внимательно разглядеть его, его душу, его мерзкое тело [6, 104]. Смотря на человека обостренным взглядом, писатель с ужасом восклицает: *Опротивел человек!* [6, 104]. Безумие людей И. Бунин видит прежде всего в том, что они заменяют библейские ценности своими, перевернутыми, дьявольскими лжеценностями. Библия учит не противиться злу насилием, и И. Бунин показывает, до чего привело такое противление. В «Окаянных днях» много сцен, парадигматически соотносящихся с библейским текстом. Вот некоторые из них:

И. Бунин «Окаянные дни»
Уложение о наказаниях за преступления
общества тамбовских мужиков:

- Если кто кого ударит, то потерпевший должен ударить обидчика десять раз,
- Если кто кого ударит с поранением или со сломом кости, то обидчика лишит жизни,
- Если кто совершит кражу, или кто примет краденое, то лишит жизни,
Если кто совершит поджог и будет обнаружен, то лишит того жизни [6, 47].

Евангелие от Матфея, гл. 5, с. 38. Нагорная проповедь:

Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злу. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся [10].

Протокол тамбовских мужиков на ассоциативном уровне пародийно противопоставляется нагорной проповеди Иисуса Христа. Сам стиль *уложения о наказаниях...* свидетельствует, что авторы документа несомненно были знакомы с библейским текстом, но в революционные дни, отбросив его подлинное моральное содержание, заменили мораль антиморалью.

Иисус Христос вместо старозаветных правил – *око за око, зуб за зуб* – дал человечеству в Новом Завете противоположные – *кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую*. И. Бунин показывает, как люди возвращаются к старым правилам мести: *Поплыл по рабочим липкий и жестокий слух: „Матьяша убили!” Гневно сжимались мозолистые руки и уже хрипло доносились крики: „Око за око! Мстить!”* [6, 123].

Негодую против ложных ценностей, И. Бунин тем самым выражает любовь к своему народу, борется за человека в человеке, пытается возродить в нем утраченную икону. Народ, по мнению автора «Окаянных дней», представляет собой

два типа: *В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря... Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из древа, – и дубина, и икона», в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев.* Словно предвидя упреки критиков в том, что в «Окаянных днях» «нет... ни России, ни ее народа», И. Бунин с болью пишет: *Если бы я эту «икону», эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?* [6, 78].

Тревога И. Бунина за человека усиливается еще и потому, что революционные события русский писатель воспринял как Апокалипсис, где *живые завидуют мертвым*:

И. Бунин «Окаянные дни»

... Через Кудринскую площадь тянутся бедные похороны... А на углу стоит старуха и, согнувшись, плачет так горько, что я невольно приостанавливаюсь и начинаю утешать, успокаивать... Спрашиваю: – «Родня, верно, покойник-то?». А старуха хочет передохнуть, одолеть слезы и наконец с трудом выговаривает: – Нет... Чужой... Завидую... [6, 82]

Мимо нас несут покойника (не большевика). «Блаженны, иже избрал и приял еси, Господи...». Истинно так. Блаженны мертвые [6, 115].

Откровение от Иоанна, гл. 9, стих 6

В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них [10].

И. Бунин органично вводит в структуру «Окаянных дней» цитату из „Российской истории” Татищева, которая тоже соотносится с библейским пророчеством о братоубийстве:

И. Бунин «Окаянные дни»

«Брат на брата, сынове против отцев, рабы на господ, друг другу ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведущее, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день възрыдает...». А сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий „сдвиг” к чему-то будто бы совершенно новому, доселе небывалому! [6, 75].

Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 21

Предаст же брат брата на смерть, и отец – чадо; и восстанут чада на родителей и убьют их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца, той спасется [10].

Это апокалипсическое настроение делает книгу И. Бунина пессимистичной. Сконцентрировав факты *озверения, одичания* человека, писатель одновременно иронически противопоставляет картины *смерти* обещаниям *светлого будущего*: *Ах, эти сны про смерть! Какое вообще громадное место занимает смерть в нашем и без того крохотном существовании! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти. И все во имя «светлого бу-*

дущего», которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака [6, 69].

И. Бунин не верит в большевицкие лозунги, он доверяет библейским пророчествам. Вводя в свою книгу цитаты из Библии, русский писатель ищет ответ на сложившуюся ситуацию. Так, запись 10 февраля содержит выдержку из Книги пророка Иеремии: *«Мир, мир, а мира нет. Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их». Это из Иеремии, – все утро читал Библию. Изумительно... [6, 49].*

Будучи убежден в том, что *мира не будет*, И. Бунин не видит утешения даже в весне: *И весна-то какая-то окаянная! Главное – совсем нет чувства весны. Да и на что весна теперь?* [6, с. 69]. Жизнь потеряла для него смысл, *пасхальная радость* смешалась с *безмерной печалью*: *Дерево, зазеленевшее у нас во дворе, побледнело. В мире была тогда Пасха, весна, и удивительная весна... А надо всеми моими тогдашними чувствами преобладала безмерная печаль... Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...* [6, 91] И. Бунин, отрицательно оценивая революционные события, использует прием противопоставления, резкого контраста. В результате весна предстает в своей противоположности:

весна–Пасха–радость–воскресение _____ весна–могила–последнее целование–смерть.

Очевидно, для эмоционального усиления И. Бунин обращается к повторам. В приведенном отрывке часто повторяется лексема *весна* с двумя семантическими полями: в первом поле – слова, вселяющие надежду – *Пасха, радость, воскресение*, во втором – *весна – смерть, бледная, окаянная, несущая последнее целование*.

Весна-смерть убивает надежду, лишая человека смысла жизни, поэтому в «Окайных днях» часто звучит вопрос: *Зачем жить, для чего?: ...Опять тупость, безнадежность, опять впереди пустой долгий день, да нет, не день, а дни, пустые, долгие, ни на что не нужные! Зачем жить, для чего? Зачем делать что-нибудь? В этом мире, в их мире, в мире поголовного хама и зверя, мне ничего не нужно...* [6, 77].

И все же надежда не исчезает бесследно, она мелькает на страницах «Окайных дней» – надежда на то, что люди раскаются, *проклянут теперешние дни* и Бог помилует Россию: *Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечте, что все-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням. Нельзя быть без этой надежды. Да, но во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?* [6, 94].

Итак, отмечая высокую степень морального падения людей в революционные годы, И. Бунин борется за Человека в человеке. Одним из путей такой борьбы в «Окаянных днях» является напоминание о забытых извечных библейских истинах. Выход из сложившейся драматичной ситуации русский писатель видит в религии, в возвращении к истинным ценностям, поэтому дневниковые записи завершаются воспоминаниями церковного благолепия, где *...пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание* [6, 141–142].

Все это говорит о том, что бунинские «Окаянные дни» требуют детального, всестороннего анализа и дальнейшего глубокого изучения. В одной статье нельзя охватить в полном объеме произведение И. Бунина, его следует рассматривать в контексте всего творчества писателя.

Примечания

1. Этой проблеме посвящено творчество польского писателя Т. Ружевича, в частности, его драма «Kartoteka».

Список использованной литературы

1. Васильева С.В. Антропология становления Макса Шелера и автономная ответственность человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://anthropology.rchgi.spb.ru/sheler/sheler_i5.htm
2. Письмо В. Астафьева к В. Курбатову [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.golubinski.ru/russia/astaf/kurbatov.htm>
3. Литвинова В. И. Окаянные дни в жизни И. А. Бунина [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.philology.ru/literature2/litvinova-95.htm>
4. Федякин С. Бунин после России // Бунин И. Обреченный дом. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002. С. 5–10.
5. Дунаев М. М. Иван Алексеевич Бунин // Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. С. 774–795.
6. Бунин И. Окаянные дни // Обреченный дом. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002. С. 43–142.
7. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. – Санкт–Петербург: Гостиный двор, 1881. Т. II (И–О).
8. Фасмэр М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнение О. И. Трубачева. М.: Прогресс, 1971. Т. III.
9. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – Москва: Книга, 1989. Т. II, Ч I (Л–О).
10. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета / под ред. А. П. Лопухина. – Петербург, 1904–1907. В IV т.

Остапчук В.В.

Кафедра слов'янської філології

Східноєвропейський національний університет им, Лесі Українки

kwitka25@ukr.net

ЛЮДИНА КРІЗЬ ПРИЗМУ «ОКАЯННИХ ДНІВ» І. БУНІНА

У статті ставиться мета, щоб через поетику, яка розуміється в самому широкому значенні слова, розкрити не тільки політичний, але і філософський сенс «Окаянных днів» В. Бунина. Метаморфоза людини розглядається через при-

зму революційного часу, через опис страждання людей і прояв жорстокості, аналізуються ті моменти щоденникового тексту В. Буніна, в яких розкривається процес расчеловечення людини, що перебуває в стані гострої ненависті. На підставі визначення лексеми окаянный за різноманітними словниками зроблено висновок про асоціативні зв'язки цього слова з біблійним ім'ям Кайн; досліджується роль цитат з Біблії в структурі «Окаянних днів», що забезпечує глибинне розуміння змісту бунинського тексту.

Аналіз проводиться з використанням описового, герменевтичного, порівняльно-типологічного методів.

У результатах дослідження підкреслюється боротьба В. Буніна за Людину в людині, стверджується, що одним із шляхів такої боротьби в «Окаянних днях» є акцентування уваги на одвічних біблійних істинах, які були забуті. Вихід з цієї драматичної ситуації російський письменник бачить у релігії, у поверненні до істинних цінностей

Ключові слова: людина, окаянный, проклятий, заголовок, революція, Біблія, асоціації, повтор, контраст

Ostapshuk V.V.

Lesya Ukrainka Eastern European National University

Department of Slavic Philology

kwitka25@ukr.net

THE MAN THROUGH THE PRISM OF “THE CURSED DAYS” BY I. BUNIN

The purpose of the article is to show not only the political but also the philosophical significance of “The cursed days” of Bunin I. through the poetics, which is understood in the full meaning of this word. Metamorphosis of the man is examined through the prism of the revolutionary time, the description of the man’s suffering and demonstration of the cruelty. The moments of the diary text by Bunin I, in which the processes of the dehumanization of the man who is in the condition of the sharp hatred, are analyzed. The conclusion about associative similarities of this word “cursed” with the biblical name Kain is made on the base of the lexical meaning of this word. The role of the quotes from the Bible in the structure of “The cursed days” is examined and it gives the deep understanding of the Bunin’s text content.

The analysis is made with the help of descriptive, hermenevtical and comparative-typological methods.

Bunin’s struggle for Individual in the man is emphasized in the results of the research. It is confirmed that one of the ways of such a struggle in “The cursed days” is the accentuation on the forgotten biblical facts. The Russian writer sees the way out from the dramatic situation in the religion, recurrence to the real worthes.

Key words: man, cursed, goddamn, title, revolution, the Bible, associations, repetition, contrast.

References

1. Vasileva S.V. Antropologiya stanovleniya Maksa Shelera i avtonomnaya otvetstvennost cheloveka [Anthropology of max Scheler formation and Autonomous responsibility of the person], available at: http://anthropology.rchgi.spb.ru/sheler/sheler_i5.htm [in Russian].

2. Pismo V. Astafeva k V. Kurbatovu [A letter of V. Astafev to V. Kurbatov], available at: <http://www.golubinski.ru/russia/astaf/kurbatov.htm> [in Russian].
3. Litvinova V. I. Okayannyye dni v zhizni I. A. Bunina [Cursed days in Bunin's life], available at: <http://www.philology.ru/literature2/litvinova-95.htm> [in Russian].
4. Fedyakin S. (2002) Bunin posle Rossii [Bunin after Russia – I. Bunin, Obrechennyiy dom [Doomed house], Moscow, OLMA–PRESS [in Russian].
5. Dunaev M. M. (2003) Ivan Alekseevich Bunin [Ivan Alekseevich Bunin] – Dunaev M. M. Vera v gornile somneniy: Pravoslaviye i russkaya literatura v XVII–XX vekah [Faith in the crucible of doubt: Christianity and Russian literature in the XVII–XX centuries], Moscow, Publishing Council of Russian Orthodox Church [in Russian].
6. Bunin I. (2002) Okayannyye dni [Cursed days] – I. Bunin, Obrechennyiy dom [Doomed house], Moscow, OLMA–PRESS [in Russian].
7. Tolkovyyi slovar zhivago velikoruskago yazyika Vladimira Dalya (1881) [Explanatory dictionary of the living great Russian language by VL Dahl], vol. II (I–O), Saint Petersburg, Gostinyiy dvor [in Russian].
8. Fasmer M. (1971) Etimologicheskii slovar russkogo yazyika [Etymological dictionary of the Russian language], vol. III, Moscow, Progress [in Russian].
9. Sreznevskiy I. I. (1989) Slovar drevnerusskogo yazyika [A dictionary of Ancient Russian language], vol. II (L–O), Moscow, Kniga [in Russian].
10. Tolkovaya Bibliya, ili kommentariy na vse knigi Sv. Pisaniya Vethago i Novago Zaveta (1904-1907) [Explanatory Bible, or commentary on all the books of Holy. The Scriptures of the Old and New Testament], vols. IV-V, Petersburg [in Russian].

Статтю подано до редколегії 5 вересня 2016 р.